

ИМЯ В КНИГЕ ПАМЯТИ

Николай Иванович Бояршинов вышел с парома и не спеша направился к Оханску. Он был в том возрасте, когда незнакомые люди его называли дедом, а не папашей, как бывало раньше. Его догнала машина, шофер предложил подвезти до города, дед не отказался. До гостиницы доехали быстро. Она была почти пустой. Дед устроился и прилег отдохнуть. Родная сторона, как-то она его примет? Не был здесь с войны. Он понимал, что никакие оправдания не помогут загладить в душе его вины перед родными. Николай Иванович не знал, вернулись ли с войны его братья, Дмитрий и Алексей, живы ли сестры, неведомо ему, где похоронена мать. Не знал дед, что и деревни, которая снилась ему ночами, уже давно нет. Небольшого роста, кре-

Николай Иванович Бояршинов вышел с парома и не спеша направился к Оханску. Он был в том возрасте, когда незнакомые люди его называли дедом, а не папашей, как бывало раньше. Его догнала машина, шофер предложил подвезти до города, дед не отказался. До гостиницы доехали быстро. Она была почти пустой. Дед устроился и прилег отдохнуть. Родная сторона, как-то она его примет? Не был здесь с войны. Он понимал, что никакие оправдания не помогут загладить в душе его вины перед родными. Николай Иванович не знал, вернулись ли с войны его братья, Дмитрий и Алексей, живы ли сестры, неведомо ему, где похоронена мать. Не знал дед, что и деревни, которая снилась ему ночами, уже давно нет. Небольшого роста, кре-

Фронт - Эстония и... Магадан

пенький, седовласый и голубоглазый, он походил на гнома из сказки, только бороды не хватало.

Его считали погибшим еще с 1944 года, родным пришла похоронка. Плакали, как положено, и старались не вспоминать о нем, не травить душу. Только мать нет-нет да всплакнет, вспомнив своего младшенького. Он за курами любил ухаживать, передразнивал их постоянно, а петухом иной раз закричит, не отличишь от настоящего.

Плен

Николай Иванович и сам себя считал погибшим, когда лежал у развороченного орудия возле реки без признаков жизни. Немцы делали обход, собирая своих убитых. Увидев трупы русских, похватили их за ноги - за руки и побросали в речку. Тело одного молоденького солдата казалось невесомым, и он пролетел дальше всех, оказавшись на кочке, а голова - в воде. От удара он очнулся, поднял голову и застал.

Немцы сами удивились, что

труп ожил. Они вытащили солдата из речки и под собственное громкое улюлюканье потащили его по земле. Парень снова потерял сознание. Его занесли в блиндаж, где еще вчера находился штаб нашей армии, а сегодня хозяйничали фашисты.

Николая усадили на стул, облили холодной водой. Он медленно приходил в себя. Как сквозь сон, слышал непонятную лающую речь.

- Я люблю хороший солдат, - услышал парень, наконец, русские слова и понял, что к нему обращается офицер. - Теперь ты никто, тебя не примет твое общество, ты для твоей Родины уже умер. Тебе лучше работать на нас. Мы дадим тебе корм и свобода.

В это время в блиндаж заскочил солдат в мышинной форме и что-то крикнул офицеру. Тот, заправив пистолет в кобуру, и дав приказание ординарцу охранять пленного, выскочил за дверь.

Николаю в этот момент больше всего хотелось умереть, чтобы не слышать немецкой речи. Он совсем не-

давно прибыл в часть с пополнением, большинство которого составляли добровольцы с Урала и Поволжья.

- Вот так, Колька, отовоевался, - мстительно думал он о себе. - Героем хотел стать, а угодил, как кур в ошип. Теперь еще и в предатели запишут.

Он не хотел признаваться даже самому себе, что боится пыток, боится физической расправы, боится, что в бреду из него вырвут то, о чем говорить нельзя. Он сидел, а его голова болталась в разные стороны.

Вернувшись, офицер продолжил свою речь на ломаном русском языке.

- Ты молодой. Даю тебе шанс - жить. Ты сейчас будешь говорить своим по микрофон, что сопротивление не нужно. Они все в окружении. Твоя задача - убедить сдаваться и бросать оружие. Как вы говорите? Не видеть своих ушей? Так вот, и Берлин вам не видеть, как свои уши. Если не сделаешь, твое имя будет проклянуто своими, мы сделаем тебя предателем.

- Я никогда не был предателем и не буду им! - взорвался, насколько мог, Николай. Он видел, что на столе лежат его документы и фотография матери. То есть, о нем все известно немцам, но это ничего не значит.

- Ты будешь говорить и стоять на приговор. Тебя будут бить свои, - добавил офицер, раскачиваясь с пятки на носок.

В сознании парня стояла мать. Она, сложа руки на груди, о чем-то говорила ему, словно просила все перетерпеть, ради нее, ради своих братьев и сестер, ради всей деревни.

И он согласился. Конечно, уговаривать боевых товарищей сдаваться, он не собирался, но очень надеялся, что его убьют, не свои, так чужие.

Продолжение в следующем номере.

Светлана Еловикова

НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

В старости детям стала не нужна

Окончание. Начало в №24.

Она понимала своим умом, что отец был плохим примером для детей. Работал в колхозе, но после полочки по несколько дней не выходил на работу. Ему во время страды вообще зарплату не выдавали, он ее получал после основных полевых работ. Что-то, а трудиться он умел! Когда не пил, мог горы свернуть. Но, будучи пьяным, по любому поводу привязывался то к детям, то к жене, придирался, мог оскорбить с полным набором русского мата, а то и арапником замахнуть. Ребята боялись разгневать его в это время и старались уйти из дома. Из-за пьянки и пострадал. Чуть не замерз в новогоднюю ночь. Случайно парочка молодых его обнаружила неподалеку от речки, притащили домой. Мария Андреевна оттирала мужа самогонкой, поила травами, топила специально баню, фельдшер через день наведывалась с уколами - ничего не помогало. Организм не выдержал. Хорошо, еще Сергей был в это время дома, помогал поднимать отца, носил в баню, менял подстилки.

Недолго прожила старушка в интернате. Дети, кроме Анатолия, не звонили. Она и телевизор редко смотрела, больше у окна сидела, думала о чем-то, никогда не жаловалась.

Старушка ушла вьюжной холодной ночью. Обычно, как только прихватывало сердце, она звала медсестру, но в последний раз решила никого не беспокоить в надежде, что до утра протерпит. Похоронили Марию Андреевну рядом с мужем на родном погосте. Из детей только Анатолий шел за гробом.

Через полгода все дети собрались в родительском доме, но совсем не по причине ностальгии. Они были вне себя, когда узнали, что мать завещание составила на Анатолия, потому что достаток у него был хуже, чем у остальных детей, да и любителю рыбалки и охоты будет, где остановиться и машину свою оставить. Братья и сестры потребовали, чтобы брат откупился.

До суда дело не дошло, но с ним, как с изгоем, никто из родных не разговаривает и не общается. Лето он проводит

в деревне, а на зиму уезжает в город.

- Мне очень обидно, что так распорядилась жизнь, - сетует он. - Я ведь сколько раз звал братьев и сестер приехать сюда, хоть чем-то матери помочь. Когда на пенсию вышел, сюда стал часто приезжать, надеяться не на кого. Они все отговаривались, находили причины, а когда срок подошел в наследство вступать, так сразу время нашли. Мне интересно, чего им не хватает. Все живут в полном достатке, я себя тоже вовсе бедным назвать не могу, но купить квартиру по нынешним ценам - мне, конечно, не под силу. Я им не отказывал сюда приезжать летом и отдыхать, но они хотели продать дом. Разве за него много дадут? Что тут продавать? Они потребовали, чтобы каждому из них я по сто тысяч рублей уплатил. Представляете? То есть, полмиллиона на всех. А моя пенсия 20 тысяч, у жены - того меньше, да к тому же она - больной человек, сейчас не ходит совсем. У нас еще и внуки есть, из каких ресурсов полмиллиона накопить? Вот так и остался я без братьев и сестер. А мать жалко, не ценит я ее по молодости. Мне ка-

залось, она меня не долюбливала, хотя, как сейчас помню, если мне было плохо, шел к ней, и она находила нужные слова, успокаивала. О том, что дом она подписала на меня, я и не знал. Нотариус в доминтернат приезжал и все оформил. После смерти матери мне отдали документы и вещи ее.

Подобных историй можно привести десятки. Из-за наследства, иногда мизерного, случаются целые баталии с исками, судами и разборками. Что взять с дома, который еще прадеды строили? Пока жив был хозяин, что-то ремонтировал, переделывал, перекладывал, а потом десятки лет ни к чему мужская рука не прикасалась. Богатенькие дети были заняты только собой и своими семьями, а про мать не вспоминали, правда, на лето все-таки отправляли

своих детей к бабушке, пока те были маленькими.

Мать, кроткая по натуре, не беспокоила их лишней раз, старалась со всеми проблемами справляться сама. А когда занемогла, на выручку пришел тот, от кого она меньше всего ожидала помощи, Анатолий с детства был не очень общительным, все держался в стороне от других ребят, которые дразнили его жиркомбинатом, стеснялся, никогда ничего не просил. Мария Андреевна про себя называла его Букой, но не произносила это вслух. Вот он оказался человечнее других. Зато после смерти матери, на похороны которой остальные дети так и «не смогли» приехать, все примчались делить наследство. Брат, которому это наследство досталось, теперь стал врагом для них.

Светлана Еловикова

ИМЯ В КНИГЕ ПАМЯТИ

Продолжение. Начало в №25

Пока, шатаясь и хромая, шел на пригорок, перед ним пролетела, промчалась вся его жизнь длиной в 18 лет. Родная деревня, сельская школа в четыре окна, дом у оврага на окраине, речка, которую они с ребятами переплывали наперегонки, старшие братья. Где они воюют сейчас? Хорошо, хоть не видят его позора. И колхозники не видят, которые пророчили ему в будущем место председателя колхоза за деловитость и серьезность.

Из одного плена в другой

Взойдя на самое высокое место, солдат огляделся. Ближе от него со всех сторон стояли враги, а там, вдали неясно виднелись окопы, куда временно отошла его часть. Парень стоял, и гимнастерка его, вся в крови и грязи, трепыхалась на ветру.

- Ты должен говорить вот этот текст, - подошел к нему офицер и протянул бумажку.

Парень наскоро прочитал, кивнул головой. Заиграла музыка. Потом из динамика слышалось:

- Сдавайтесь, русские, все вы умрете, и никто не узнает ваши могилы. С вами будет говорить ваш товарищ. Слушайте!

- Ребята, - выдал из себя первое слово Николай, а потом закричал. - Бейте их, тварей, и дойдите до Берлина!..

Больше он ничего не успел сказать, на него навалились со всех сторон и, уложив на землю, начали пинать. Еле живого притащили и бросили в сарай.

Ночью он слышал топот, неясное бряцанье и разговор. Забылся. Очнулся, когда понял - его куда-то несут. Потом снова слышал чужую речь, но она была другая.

Когда перед глазами забрезжил свет, открыл глаза. Он лежал в помещении очень похожем на блиндаж, но стены не деревянные. Рядом сидел молодой мужчина и непрерывно глядел на него. Увидев, что парень очнулся, протянул руку и сказал коротко:

- Гинтас, я-Гинтас, а ты? - Коля, - слабо откликнулся тот. - Где я?

- Ты у нас, мы боремся за свободу своего народа. Мы - это эстонцы. У нас мало говорят по-русски. Я буду с тобой находиться.

Николай вспомнил, как политрук перед заходом на территорию Прибалтики говорил, что многие жители ушли в леса и объединились в отряды, которые борются против Красной Армии.

Этого следовало ожидать. Было бы странным, если бы эстонцы не начали этой борьбы. Они всегда себя считали элитной нацией. Часть людей просто скрывалась от советской мобилизации. По оценкам военных историков активных «лесных братьев» было

Фронт - Эстония и... Магадан

около 12 тысяч человек, а к концу летней войны 1944 года их число возросло в разы.

Это было спонтанное народное движение, у которого не было ни организации, ни единого управления. Многие, обидевшись на «советский террор», просто исходили из личной мести и уходили в леса.

В один из таких спонтанных отрядов и попал Николай Бояршинов. Стычка с немцами у эстонцев получилась случайной. Они думали, что в доме расположен штаб советской армии, не зная, что накануне обстановка изменилась. В темноте сняли часовых, из сарая вытащили пленного с тем, чтобы выпустить его потом на свободу, они думали - это немец. Офицера на месте не было, «братья» не сразу поняли, в чей штаб ворвались, а когда поняли, постарались поскорей ретироваться, не забыв прихватить пленного.

Николай не знал, что его ждет, в 18 лет он только только взял в руки оружие и успел принять участие всего в нескольких боях. Раньше в школе они с ребятами часто

«Лесные братья» на «охоте» за сочувствующими Советской власти.

спорили, что такое подвиг, способны ли они сами его совершить. Какое было хорошее и беззаботное время! Парень даже застал от тоски.

- Какое звание ты имеешь? - спросил Гинтас.

- Разве не видно, рядовой я.

- Когда ты начал воевать?

- Два месяца назад.

- Ты, конечно, доброволец и большевик?

- Да, доброволец. Кто мою землю должен защищать? И комсомолец - я горжусь этим.

- Ты говоришь, свою землю защищаешь. А я тоже свою защищаю, которую вы у нас отняли в 1940 году. И мы не хотим, чтобы русские топтали нашу Эстонию. Это наша земля. Вот так.

- Но мы же теперь одна страна, значит, братья, потому и воевать вместе должны.

- Нет. Ты не понял, мы навсегда враги. Если ты не будешь с нами, тебя уничтожат, так и знай. Умрешь страшной смертью, мы это умеем. Завтра будем с тобой разговаривать, а сегодня отдыхай.

Гинтас задул свечу, ушел, а

Такие «следы» оставляли эстонские националисты после набегов на «красные» села.

Николай решил обследовать помещение. С трудом поднявшись с топчана и держась за стенку, дотасился до какой-то балки, нащупал за ней вертикальную лестницу. Понял, что это бункер, и находится он под землей. Попробовал подняться. Нет. Раненая нога не слушалась, он мог ее только подтаскивать, да и голова кружилась после контузии.

Он лежал потом на топчане,

больше всего хотелось жить.

Из объяснения Гинтаса и Мартина Николай понял, что, кроме них, он знает никого не будет. Конспирация.

У «лесных братьев»

Сколько дней лежал Бояршинов в бункере, он не знал, время для него отодвинулось. Не знал, что делается наверху, не знал, где его часть. Гинтас приносил ему скудную еду, делал перевязки, учил некоторым словам, которые никак не ложились в сознании. Постепенно он оправился от ранения и контузии, мог более-менее свободно передвигаться по бункеру.

- Все, Коля, пора тебе на свет выходить, - сказал ему однажды Гинтас. - Смотри, не дается тебе наш язык, так ты будешь у нас немцем. Можешь мычать, свистеть, но не говорить. На первое задание пойдешь с Мартином. Он не говорит по-русски, но все понимает.

На задание они пошли на закате. Выйдя из бункера, Коля вздохнул полной грудью так, что короткое помутнение в голове появилось от свежего воздуха. Мартин шел впереди, Николай в нескольких шагах от него сзади.

Когда впереди показалось очертание жилища, остановился. Мартин жестами объяснил, что надо пойти в дом, попросить пить, а потом уйти.

Парень пробрался незаметно к жилищу, заглянул в окно. За столом сидела средних лет женщина и старик. Они перебирали крупу.

Он постучал. Дверь открыла женщина. Увидев незнамого гостя, что-то спросила. Поскольку Коля должен быть немцем, он и прикинулся им. Промычал, дал понять, что хочет пить. Хозяйка вынесла ему в ковше воду и кусок хлеба. Не пригласила войти. И парень ушел восвояси. Кроме этого дома, других он не увидел, значит, хутор, или, как учил его Гинтас - мыза.

Вернувшись в кустарник, сказал, что никого, кроме хозяев, в доме нет. Тогда пошел Мартин. Его долго не было. Николай хотел спать, но пони-

мал, что нельзя этого делать. Уже начинало светать, когда на фоне неба появились две фигуры. Это были Мартин со стариком. Они прощались.

Не успел Мартин дойти до кустарника, как с противоположной стороны послышался шум мотора. Кто? Немцы или русские?

Они лежали за кустами и наблюдали, как из машины вышли двое в советской форме. Подошли к старику. Один из них открыл дверцу и жестом пригласил его в машину. Старик не двинулся с места, тогда на него навели оружие.

Мартин снял с плеча автомат и начал целиться. Коля умом понимал - надо помешать. Но как? Сам он был безоружным. Кинуться на Мартина? Силы неравные. Тогда он тронул его за плечо, дав понять, что хочет в туалет. Пока тот обернулся и что-то сказал, военные успели сесть в машину. Мартин со всего маху ударил напарника по лицу, выругался по-своему. Потом поставил его перед собой и ткнул автоматом.

Они без опаски шли по лесу, потом по равнине. Где-то отдаленно слышалась канонада. Николай и не заметил, как пришли на место. Вроде, та же разлапистая липа рядом с березой, а где ход? Земля ровная, бункера не видно. Потом откуда-то появился часовой, «открыл» землю, и они спустились вниз.

Мартин о чем-то долго беседовал с Гинтасом. Когда Мартин ушел, Гинтас сказал, что по счастливой случайности Николай остался жив. Мартин мог убить за то, что ему помешали. А у парня в душе все ликовало, ведь он помог сегодня своим уйти от пули.

Еще не раз и не два пришлось ему ходить в задания с Мартином. В основном, это были вылазки разведывательного характера, далеко ходить после ранения ему было еще не под силу, да и Мартина мучила одышка, он постоянно останавливался.

Время шло. Уже белые мухи пролетали в воздухе, а у Николая не было возможности сбежать. Оружия ему так и не давали, не доверяли и строго следили за каждым его шагом.

Но настал день, когда он все-таки почувствовал себя человеком. Узнав, что поблизости расположилась небольшая воинская часть, «братья» решились на отчаянный шаг. Перед этим произвели разведку, ни танков, ни пушек не заметили, поэтому шли на дело спокойно, чтобы разжиться оружием и провиантом.

Отряд был довольно многочисленный, вооруженный немецкими автоматами. К месту расположения подошли затемно. Вокруг было открытое место, на горизонте время от времени появлялись часовые. Коле тоже выдали оружие, правда, не немецкий автомат, а старую трехлинейку. Рядом неотступно следовал Гинтас.

Окончание в следующем номере.
Светлана Еловицова

ИМЯ В КНИГЕ ПАМЯТИ

Окончание.
Начало в №№ 25, 26

Уже на востоке начинался рассвет. По невидимому Николаю сигналу, вдруг все ползком двинулись в сторону расположения советской части. Главное – заставить враг сплоск. Метров за сто отряд поднялся и рванулся к поселку. Николай, хромя, старался бежать вместе со всеми, и постоянно слышал за собой дыхание Гинтаса. Вдруг откуда-то сверху заговорил пулемет, из сарая «рыгнул» огнем спрятанный танк. Началась перестрелка. Николай стрелял, целясь, естественно, не в своих, пока не закончились патроны. У кого-то из убитых взял автомат. Потом почувствовал удар в едва оправившуюся от ранения ногу и упал ничком на землю. И снова в этот момент ему захотелось, чтоб его убили, и он притворился мертвым. Гинтас тряс его, пока самого не подстрелили.

«Братьям» пришлось отходить с большими потерями. Мартин подошел к убитому Гинтасу, приказал людям взять его тело. Николая со злости пнул, удар пришелся в раненую ногу, и парень, собрав волю в кулак и сжав зубы, стерпел, не застонал, его это и спасло. Сознание он потерял позже.

Ему поверили

И вдруг наступила тишина. Николай открыл глаза, потихоньку повернул голову. Кругом валялись трупы, посмотрел вперед. Наши солдаты осматривали поле боя. Когда дошли до него, он перевернулся на спину.

- Братцы, помогите, - простонал он.

- Че, зеленый, жить захотелось? – засмеялся один из них. Когда на нас шли, думали враг сплоск заставить? Вот шмальну сейчас между глаз, и ничего мне за это не будет.

- Слышь, Тихон, такого приказа не было, - возразил второй. – Надо ему помощь оказать.

- Ага, поможешь, а у него финка в сапоге.

- Нет у меня, ребята, никакой финки. Я к вам шел, - сказал Коля. - Мне командир нужен.

Рана не давала возможности идти, поэтому его просто понесли. В землянке, куда его доставили, было мрачно, на столе догорал огарок свечи. За столом сидел совершенно лысый человек и вместе с другим, волосатым, что-то чертил на карте. Когда закончили, повернулись оба к парню. Спрашивали, какой численностью отряд, кто командир, много ли оружия. Что знал или слышал от Гинтаса, Николай рассказал, не забыл о том, что два дня был у немцев. Потом спросили, когда попал в плен. Он точно помнит, это было в конце августа, когда часть вынуждена была отступить. Никого из состава он не знал, кроме лей-

Фронт - Эстония и... Магадан

Эстонские комсомольцы принимают в свои ряды новых членов.

тенанта Вихарева и еще слышал, что командующим Прибалтийским фронтом был Маслеников.

- Ну, что ж, подлечим в медсанбате, а там видно будет. Все-таки ноябрь уже наступил. Если чекисты не заинтересуются, продолжишь воевать.

Его хотели отправить в госпиталь, но он упросил врача оставить его в медсанбате. Готовилось наступление, и он хотел принять в нем участие. На молодом теле раны быстрее заживают. Он хотел догнать именно ту часть, куда попал после сражения с «лестными братьями», где

апреля 1945 года комиссия дала заключение – не годен к строевой. Он просил, настаивал, грозился дойти до самого Сталина – бесполезно. Его не слушали. Тогда он решил добраться до Москвы и добиться отправки в действующую армию.

До Москвы он доехал, зашел в один из военкоматов, но и там ему отказали, правда, дали адрес, где его могли использовать.

В ведомстве, куда его отправили, пришлось долго ждать приема. Наконец, его пригласили в кабинет. Никогда он не видел, столько военных чинов вместе. Рассказал все, как на

Группа рабочих рыболовческого совхоза.

ему поверили и направили на лечение.

После удачных выступлений советская армия продвигалась вперед. Все ближе был заветный Берлин, дойти до которого хотел каждый солдат. Из медсанбата Николай на попутках добирался до хозяйства майора Варшакова, такая фамилия была у лысого человека.

Добрался благополучно, и на другой день уже участвовал в одной из операций. Впереди маячили острова, откуда надо было выбить немцев. Неделя не прошла, как его снова зацепило, и снова в левую ногу – уже в третий раз.

Эта рана оказалась серьезней других, тем более что осколок был не один. Опять медсанбат, а оттуда переправили в Нижегородский госпиталь. Почти полгода провалялся там Коля. В конце

духу и снова попросился на фронт «добивать Гитлера».

- Николай Иванович, а не хотите ли Вы послужить Родине в другом месте, тем более что опыт, пусть небольшой, но у Вас уже есть, да и хромота пока не прошла. Как же Вы в атаку пойдете? Мы хотим предложить Вам поехать в Прибалтику, восстановив Советскую власть. Там полно немецких недобитков осталось, они в лесах вместе с националистами действуют. Народ боится, ведь истребляют тех, кто лояльно относится и к нашей армии, и к нашей власти. Воевать на передовой Вы не сможете, да и войска наши не сегодня – завтра Берлин возьмут, а в тылу сумеете принести большую пользу. Там тоже фронт, и неизвестно, сколько времени он будет действующим.

В шаге от смерти

До 1952 года находился Н.И.Бояршинов в Прибалтике. Был секретарем комсомольской ячейки в образованном вновь рыболовецком совхозе, секретарем райкома комсомола. Не раз рисковал жизнью, не однажды с ней просто-напросто прощался, потому что попадал в такие сложные ситуации, что не чаял выпутаться.

Часто приходилось бывать в отдаленных районах Эстонии, говорить более-менее научился, появились друзья. Однажды он в очередной раз отправился на собрание в село. И каково же было его удивление, когда среди колхозников он увидел Мартина, но даже вида не подал, что узнал.

Сразу вспомнилось сидение в бункере, разведка, бой. У председателя он спросил, кто это такой.

- Это единоличник, до сих пор в колхоз не вступил, а на собрания ходит, бузотерит, если что не по нему. Говорят, он жестокий очень, странный, время от времени куда-то исчезает. Живет, как бука, ни с кем не общается.

Где-то внутри у Николая запылало, он наслышан был о том, как расправляются «братья» с неугодными. Надо сообщить, куда следует. Только сообщить он не успел, той же ночью к нему в квартиру ворвались неизвестные. На шаг от смерти был наш земляк. Мальчишка, сынишка хозяйки, у которой Коля снимал квартиру, исчез из дома через окно и сообщил о приходе незваных гостей друзьям Бояршинова. «Зеленые» не успели скрыться, их догнали всадники. Началась перестрелка, кое-кому из нападавших на одной подводе удалось все-таки уйти. Лошадь во второй подводе, на которой лежал связанный Николай, была убита, поэтому он и остался живым.

Пусть простят меня родные

Потом наступили черные дни в судьбе Бояршинова. Его узнала женщина с мызы и написала донос о том, что во время войны он служил в отряде «лесных братьев» и выдавал себя за него. Было понятно, откуда ветер дует, от Мартина, но долго разбираться не стали. Опять он рассказывал, как попал в плен вначале к немцам, а потом к эстонцам, рассказал и о Мартине, требовал опротестовать свидетелей. Но почему-то даже разбираться не стали, срок все-таки он получил. Валил лес на Магадане. Домой возвращаться не решился. Написал матери одно единственное письмо, которое ее и убило.

Теперь Николай Иванович

живет в доме ветеранов недалеко от Перми. Семью создать так и не успел.

- Бобыль я и есть бобыль, - говорит он о себе. Все времени не хватало на женитьбу. А когда в лагерь попал, там и вовсе не до этого. Вышел – опять же, кому я с таким «грузом прошлого» нужен? Не решался к женщинам подходить, после реабилитации, вроде, и старый уже стал, какая женитьба?

После освобождения ездил он в Эстонию, заходил в райком, в военкомат, рассказывал о своих злоключениях. Сотрудники отнеслись к нему благосклонно, и один из них предположил, что кто-то в его окружении был из «засланных казачков», поэтому и следствия никакого не было. Проверили по спискам, кто из его старых знакомых живет в Эстонии. Но больше всего обрадовали тем, что назвали адрес Кяера Якова Яковлевича, проживающего на Урале, в городе Оханске. Николай обрадовался, ведь с Яшей они часто встречались и не раз совместно выходили на операции по поимке «лесных братьев». Яков служил в отряде ОГПУ. Кроме того, в Оханском районе Николай Иванович и сам родился, жил там до призыва на войну, пора уже посетить родные места. Но сразу ехать он не решился. Устроился в лесном хозяйстве Березовского района.

Со временем получил квартиру, продолжал трудиться и после выхода на пенсию. Прошел год за годом, а Бояршинов не мог собраться на «свидание» с малой родиной. Ему было страшно, а отчего, и сам не понимал. Он помнил, как отправил единственный раз письмо домой из лагеря, но ответа так и не получил. Боялся, наверное, услышать, что никого из семьи уже нет. Однако мечту – встретиться с Яковом Яковлевичем Кяером все годы носил в себе. Перенес инсульт, но сумел восстановиться. По его же просьбе выделили ему место в одном из домов ветеранов, а квартиру он вернул государству.

Уже здесь, в Оханске, с сожалением узнал, что Я.Я.Кяер давно умер.

- Не мог я сюда приехать раньше, - говорит он. - Я давно реабилитирован, даже орден получил, теперь вот мне юбилейные медали вручают. Даже не знаю, где материну могилку искать. Понимаю, что никого из семьи уже нет, я же младший был. Устал я доказывать, что ни в чем перед Родиной не виноват. Когда подлость принимают за правду, даже не попытавшись разобраться, это еще большая подлость. Ничего, все выдержал, а место на погосте для меня найдется. Теперь я уж, точно, в шаге от смерти. Пусть простят меня родные. Но я ни перед кем руки не поднимал и никому не кланялся, жил, как умел, делал все возможное, чтобы новое поколение не знало, что такое фашизм.

Светлана Еловикова